

Завадский Юрий Александрович

14.07.94

12 июля исполняется сто лет со дня рождения Юрия Александровича Завадского. В будущем сезоне театр имени Моссовета будет торжественно отмечать этот юбилей. Ведь Завадский около сорока лет руководил нашим театром, создал замечательную труппу, поставил целый ряд блестящих спектаклей, вошедших в историю русского и советского театра, и оставил замечательный след в отечественной режиссуре.

Собственно говоря, саму дату мы будем отмечать летом, во время гастролей в Ростове — и это тоже не случайно. Ведь на несколько лет студия Завадского была выслана в Ростов, на соединение с местным областным драматическим театром. И там, несмотря на все трудности, которые сопутствовали ссылке, им тем не менее были осуществлены великолепные спектакли, начиная с «Укрощения строптивой», где блистали молодые Вера Марецкая и Николай Мордвинов. Многие поставил там Завадский, прежде чем смог вместе с учениками вернуться в Москву, собрать их под новой крышей, и привести к расцвету театра, получившего позже имя Моссовета.

О Завадском говорят по-разному. В последнее время очень любят утверждать, что он был конформистом, ставил пьесы авторов не очень достойных. Но ведь он находился в таком же положении, в котором существовали все замечательные мастера режиссуры того периода. Давайте вспомним, как складывалась жизнь Рубена Симонова, Алексея Попова, Алексея Лобанова, Михаила Кедрова — всех тех, кто составлял славу отечественной режиссуры. Им всем время от времени приходилось либо снимать спектакли, которые подвергались цензуре, либо ставить авторов типа того же Софронова, Сурова и других, воспевавших, как тогда писали, «советский образ жизни». Да, и ему приходилось это делать.

Но историческая заслуга Завадского заключается в том, что в эти трудные и тяжелые годы он, как никто другой, сумел сохранить достоинство театра. Вспоминая послевоенные годы, когда я демобилизовался из армии и пришел учиться в Студию Станиславского. Я очень хорошо помню, что одним из самых наших любимых театров был театр под руководством Завадского, который работал тогда в саду «Эрмитаж». Могу назвать очень много спектаклей — таких, как «Отелло», «Трактирщица», «Госпожа министерша», «Маскарад», которые поддерживали достоинство праздничного театра, где Завадский проявил себя учеником Станиславского и Вахтангова. Всю жизнь он старался соединить психологическую правду, которую принял из школы Станиславского, яркой театральностью, которую он вынес из Вахтанговской студии. Он был актером Художественного театра, где великолепно играл такие роли, как Чацкий или граф Альмавива в знаменитой «Женитьбе Фигаро» постановки Станиславского, и был первым Калафом в неуязвимой, бессмертной «Принцессе Турандот», творческом завещании Евгения Багратионовича Вахтангова. Это соединение родило феномен театра Завадского.

И вообще, если бы заслуга Завадского состояла только в том, что у него были такие ученики, как Марецкая, Плят и Мордвинов, этого было бы достаточно, чтобы крупными буквами вписать его фамилию в историю русского театра.

Но рядом с именами этих замечательных мастеров стоят и названия спектаклей. Нельзя не вспомнить одну, может быть, из самых замечательных работ — «Петербургские сновидения» по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Эта беспорядочная победа со всех точек зрения — режиссерской, замечательных актерских работ, прекрасного образного оформления Александра Павловича Васильева — сделала спектакль определенным эталоном. Все более поздние спектакли по романам Достоевского можно было сравнивать с этой замечательной работой Завадского.

А крест, который появлялся в финале, в то время был вещь невозможной. Естественно, это вызвало сопротивление, я помню, какие битвы происходили вокруг финала.

Бывало, Завадскому приходилось идти на какие-то компромиссы в своих отношениях с властями, но были и ситуации, в которых он вел себя чрезвычайно му-

УРОКИ

ЮРИЯ ЗАВАДСКОГО

Экран и сцена. — 1994. — 7-14 июля (№ 26). — С. 11.

Достаточно вспомнить его отношение к семье Михозлса после закрытия Еврейского театра, после разгрома Еврейского Антифашистского комитета, когда были арестованы или убиты ведущие актеры и члены Комитета. Тогда он взял ведущую актрису ГОСЕТ Этель Ковенскую и сделал ее одной из ведущих актрис своего театра. Он помог семье Михозлса, а Нина Михозлс долгое время работала в его театре. В то время это был акт чрезвычайно мужественный.

Я вспоминаю его выступления в защиту имени Мейерхольтца и более позднее, когда он во главе группы деятелей искусства заступался за Эфроса, подвергнувшегося нападкам. Он выдерживал целые бои по поводу пьес, принятых в репертуар. Например — пьеса «Царская охота» Леонида Зорина до сих пор сохраняется в нашем репертуаре, но без него она не могла бы вообще увидеть свет, потому что неоднократно запрещалась, снималась на этапе генеральных репетиций. Бог знает, что происходило, и только Завадский сумел это замечательное произведение, одну из лучших, на мой взгляд, пьес Леонида Зорина, отстоять и сделать достоянием не только нашего театра, но и крупных театров страны.

О Завадском написано, конечно, немало. Вышли его книги, книга воспоминаний о нем, но я думаю, что многое о нем еще не сказано и не написано. Фигура это сложная, многогранная и чрезвычайно интересная. Он был прежде всего носителем той высокой театральной культуры, которую принял от своих учителей. Его всегда беспокоило сохранение прекрасной школы, которая потихоньку начала размываться.

Он был удивительным человеком даже внешне — когда он входил, все взоры приковывались к нему. Огромного роста, красивый, какого-то необыкновенного обаяния — на нем был свет духовности и культуры того века, из которого он вышел. И это ощущалось сразу, в любой аудитории.

Когда я руководил ТЮЗОм в Риге, туда были приглашены на постановку два румынских режиссера, ученики Завадского, выпускники ГИТИСа. Юрий Александрович приехал принимать диплом, а поскольку тогда не часто случалось, чтобы иностранный режиссер ставил спектакль, то съехалось много гостей, все было обставлено чрезвычайно торжественно. Вот там я с ним и познакомился лично.

Потом мы встречались уже в Москве, когда я руководил МТЮЗОм, он прихо-

дил на некоторые мои спектакли, я был очень горд, когда Юрий Александрович пришел на спектакль «Мой брат играет на кларнете», и тот ему понравился. Эта встреча, мне думается, и стала причиной того, что я оказался в театре Моссовета. Юрий Александрович пригласил меня, когда мне пришлось уйти из Московского ТЮза. Возник конфликт с городским комитетом партии по репертуару и прочим параметрам. И первым, кто предложил мне работу и, так сказать, совместное творчество, был Завадский. ЮА, как его называли в театре, был уже стар и болен, ему становилось уже тяжело выступать спектакли. Я пришел в театр Моссовета, о чем не жалею, и очень благодарен ему за это.

Так случилось, что я имел удовольствие сделать с ним совместную постановку — это была пьеса Валентина Черных «День приезда, день отъезда», тогда еще начинающего драматурга, одно из первых его произведений для театра. Спектакль мы играли довольно долго, и он тоже подвергался разного рода нападкам. Помню, во время гастролей, кажется, в Хабаровске, заведующий отделом культуры попытался у меня и у директора театра — кто это разрешил, кто персонально? С его точки зрения, это был антисоветский спектакль.

Над этим спектаклем мы работали с Юрием Александровичем вместе. Естественно, последнее слово всегда было за ним, но должен сказать, что никаких конфликтов у нас не возникало. Юрий Александрович и на репетиции приносил ту культуру общения, которую мы понемножку забываем, — в наших театрах сейчас воцаряется такая, я бы сказал, небрежная, богемная обстановка и отношения на уровне общности. Что чрезвычайно жалко, потому что в театре должно быть все-таки нечто иное.

Мы в нашем театре пытаемся, насколько возможно, сохранять традиции Завадского и ту интеллигентную обстановку, которой всегда отличался этот театр. Ведь при жизни Завадского самым интеллигентным театром столицы — и по атмосфере, и по взаимоотношениям — был, как мне кажется, театр Моссовета. Очень хотелось бы это сохранить. Хотя в театре все меньше и меньше тех, кто работал вместе с Завадским.

Но все же это преимущество нашего театра — что остались старики и даже актеры среднего поколения, которые помнят и знают Завадского. Тем более, что был выпуск Студии, который потом почти целиком вошел в труппу театра. Это — Борис Щедрин, Маргарита Тере-

хова, Александр Ленюков, Слава Бутенко — целая группа с одного курса, на которой во многом лежит сегодня репертуар. Они все учились в студии под непосредственным руководством Завадского.

Кстати, этот опыт имеет продолжение. В этом году под моим руководством в РАТИ выпущен курс, который так официально и назывался — курс-студия театра Моссовета. Мы оставили в труппе шесть человек, а еще четверо у нас на условиях разового участия. И они все «поварились» рядом с теми, кто знал Завадского, кто слышал его, и для них имя Завадского не посторонне.

А сейчас есть молодые актеры и режиссеры, для которых имя Завадского, к сожалению, пустой звук. Это тоже говорит о недостатке культуры, может быть, о недостатке нашего театрального образования — как быстро мы отбрасываем, забываем то, что было еще вчера. Это вообще принято в нашей стране — разрушим до основания, а затем... Вот «затем» как-то плохо получается, а с разрушением лучше.

В этом сезоне вряд ли найдется в столице другой академический театр, который сыграл бы столько премьер. Мы выпустили шесть спектаклей — правда, сами чуть не надорвались, но, учитывая, что у нас все же есть «сцена под крышей», Малая сцена, нам хотелось поддерживать творческий огонек и на этих двух сценах. Но и на большой сцене мы выпустили три крупных спектакля, что теперь очень непросто. И здесь тоже переключка с традициями Завадского, который работал и на микропространстве, и во МХАТе.

Мы идем на творческий риск, берем произведения, которые никогда не ставились, или приглашаем режиссеров, имена которых мало что говорят. Даем возможность эксперимента — в этом сезоне в качестве режиссера дебютировала Терехова. Нам казалось, что если наша ведущая актриса, замечательная мастер сцены хочет попробовать свои силы на новом поприще, то ее родной театр должен дать такую возможность, а дальше уже жизнь покажет.

Мы дали в свое время первую в Москве постановку Генриетте Яновской — был очень хороший спектакль «Вдовый пароход». Думаю, что именно та атмосфера, которая, несмотря на все сложности, существует все-таки в нашем театре, помогла ей сделать эту постановку. Кама Гинкас дебютировал у нас двумя спектаклями: «Пять углов» Сергея Кокочкина и «Геддой Габлер» на большой сцене — после этого он стал известен. Гарий Черняховский начал свой творческий путь у нас на Малой сцене спектаклем «Сашка», который тоже встретил немало сложностей, Петр Фоменко поставил у нас «Калигулу». Марк Вайль дебютировал сначала спектаклем «Премьера» Лали Росеба на Малой сцене, потом — «Что тот солдат, что этот» на Большой. Творческая наша дружба с Вайлем продолжается — сейчас он репетирует «С любовью не шутят» Альфреда Мюссе, которая станет первой премьерой нового сезона.

Мы сохраняем эти две сцены, хотя прибыли от них не получаем. Даже если бы мы работали на них ежедневно с аншлагами, все равно содержание их стоит дороже. Мы же не можем играть там каждый день — это потребовало бы множества вводов и разрушило бы идущие постановки. Малые площадки экономического эффекта не дают — вот почему мы поддерживаем их за счет Большой сцены, где, естественно, эксперимент уже опаснее и труднее.

Во время празднования столетнего юбилея мы будем делать афишу — совместно с Центральным Домом актера имени Яблочниковой — спектаклей, поставленных учениками Завадского. Среди них — Алексей Бородин, Борис Щедрин, Светлана Врагова и многие другие. На афише «Цены», идущей у нас на Большой сцене, уже стоит «Памяти Ю. А. Завадского». Уверен, что и другие театры тоже примут участие в торжествах, посвященных юбилею замечательного Мастера, актера и режиссера, одного из редких обладателей дара — Строителя Театра.

Павел ХОМСКИЙ.